

К Р О К О Д И Л

Рис. К. Рогова

— Нужно поделикатнее выяснить дальнейшие его намерения.

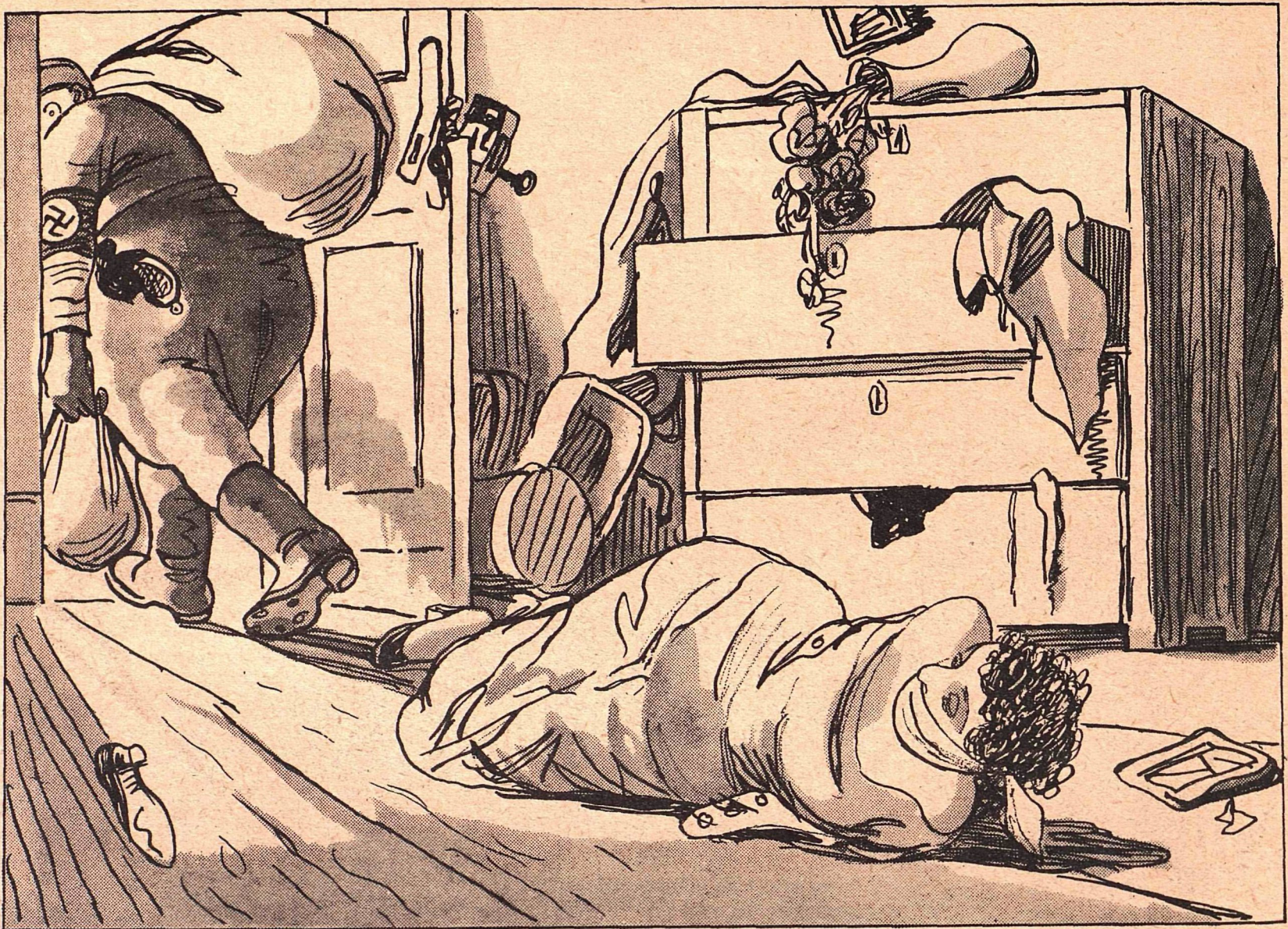

Рис. Л. Бродаты

Румыния связана... с Германией торговым договором.

Письма Игната Киселя

Письмо седьмое

Дорогой Крокодил!

Колдобинское народонаселение просит напечатать на твоих уважаемых страницах мое письмо к бранд-майору пожарной команды албанского города Дураццо.

К сему Игнат Кисель.

Здравствуйте, уважаемый!

Не посетуйте, что не называю вас по имени и отчеству, — я ведь даже и фамилии вашей не знаю.

Пишет вам это письмецо рядовой советский работник огня — Игнат Кисель, житель города Колдобинска, — каковой имеется на карте только на самой большой.

Вам сейчас, поди, не до писем. Работенки, как говорится, хватает, только успевай тушить.

Надеюсь, что ваш рядовой состав — пожарники-албанцы — оказался на высоте, потому что, как говорит наш освобожденный член месткома тов. Филаткин, «Золото огнем искушается, а человек — напастями». Мы здесь в Колдобинске читали, как ваши геройские албанские крестьяне два раза скидывали в море непрощенных гостей, каковые заявились к вам в Дураццо в количестве сорок на одного. Передайте, пожалуйста, наш пламенный привет героическим защитникам независимости маленькой Албании.

И что такое делается у вас на Балканах, ума не приложу. Ну, допустим, кинулся бы у нас в Колдобинске не изжитый еще хулиган или там выпивший какой верзила на дитя — его бы мигом урезонили проходящие граждане. Или, скажем, злоумышленник попытался бы учинить поджог (хотя процент горимости у нас в Колдобинске сведен к нулю) — опять бы его первый же заметивший гражданин скрутил и отправил куда надо. А тут среди бела дня вооруженные банды кидаются

на маленькую страну, а большие и образованные дяди стоят руки в брюки и смотрят как на очередное представление.

Справедливо, видать, говорит освобожденный член нашего месткома тов. Филаткин: «Чужая беда не дает ума».

Правда, в английских и французских газетах печатают сейчас всякие крепкие иностранные слова против агрессора, но, как говорит тот же тов. Филаткин: «Под полом и мышь геройствует, а ты нам такого дай, чтобы и при коте не потел».

А итальянский кот, подражая берлинскому, слушает да ест и под нос себе мурлычет: «Дай срок, я теперь английскому льву хвост прижму в Средиземном море». И ведь до чего нахально эти самые коты оправдывают свой разбой: «А мы, дескать, наводим порядок. Разве это война, разве это убийство и грабеж? Мы же приносим мирному населению Албании радость и вечный покой».

Наш освобожденный член месткома тов. Филаткин по этому поводу сказал: «Был бы свет насквозь свят, кабы душа не просила барыша».

Короче говоря, непонятно нам это все. На то и хулиган, чтоб хулиганил. Но как именовать такое общество, где хулиганы всю функцию выполняют, а так называемые защитники культуры, цивилизации, справедливости спокойно дремлют в своих мягких креслах. Как говорит наш Филаткин: «Они спят, а жалование им идет».

Товарищ Филаткин вам, албанцам, тоже кланяется. Он очень жалеет, что, будучи загружен другими делами, не сможет в ближайшее время свидеться с английскими или французскими деятелями, поговорить с ними по душам и подчеркнуть, что их непрерывные разговоры против агрессора ему, Филаткину, читать скучновато, потому что и воробей на кошку чирякает.

С товарищеским приветом и сочувствием

ИГНАТ КИСЕЛЬ

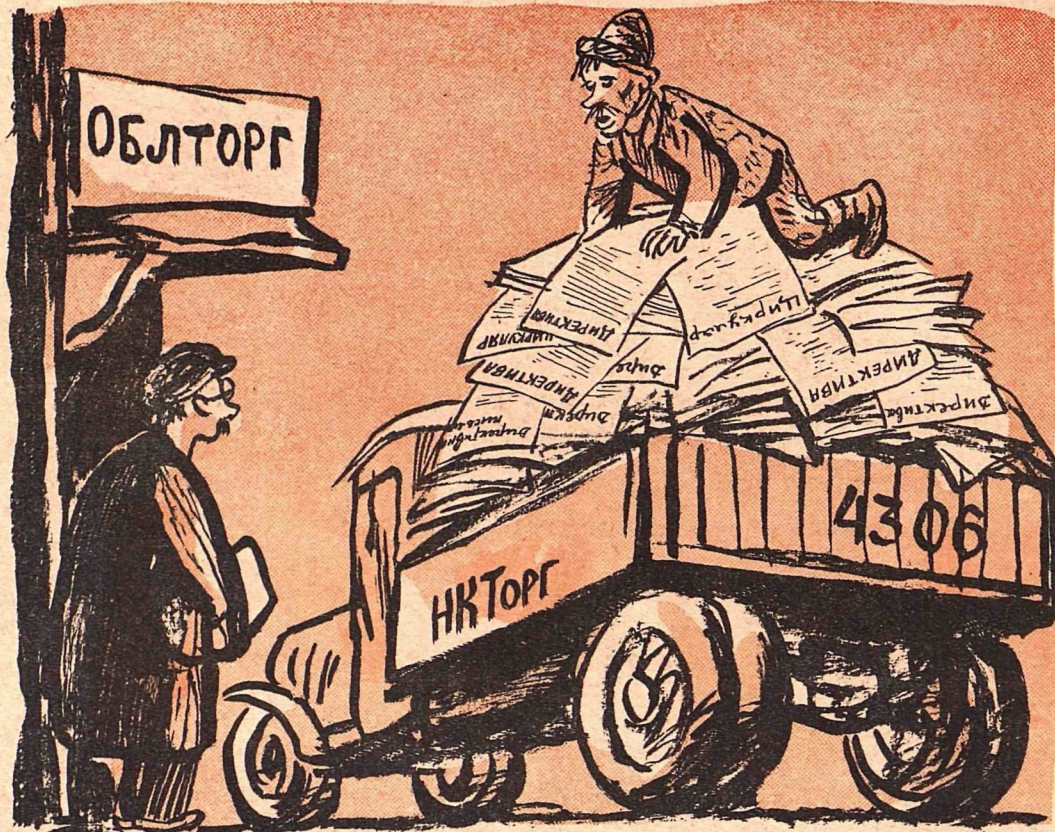

Рис. К. Елисева

— Мы готовы передать вам наш опыт, наши знания,— словом, все,
за исключением переходящего знамени.

Только за один день 25 марта на имя заведующего Курским облторгом получены из Каркомторга 52 директивы на 113 страницах.

Рис. Л. Генча

— Эй, товарищ, куда сваливать?

Без тебя...

1. Февральское

Вьется снег вокруг да около.
Где-то конница продокала...
Тихо вечер надвигается.
Все идет как полагается.
Всюду девушки прохожие
На снегурочек похожие.
Всюду снегом убеленные
Ходят парочки влюбленные,
Только я в порбшу белую
Без тебя прогулку делаю.
И не радуюсь пороше я
Без тебя, моя хорошая!

2. Апрельское

Я иду по улице,
А повсюду дворники,
И у всех улыбки на устах...
Воробьи чумазые,
Словно беспризорники,
Греются на солнечных местах...
Словно драгоценности
Всюду капли падают...
Корабли пускает детвора...
А меня попрежнему
Не особо радует
Эта беспокойная пора...
Не особо радует
Небо яснолицее...
Хочется в милицию зайти
И сказать милиции:
— Слушайте, милиция,
Как мою любимую найти?!

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Нагревательный прибор

ТАМАРА Семеновна открыла картонную коробку и восторженно ахнула:

— Чайничек!

Яков Борисович снисходительно улыбнулся: — В просторечии можно, конечно, называть и чайничек. Вообще же, душа моя, это именуется нагревательный прибор. Запомни. Я же лично называю данное явление не иначе, как проводник культуры в быт!

Счастливые супруги осмотрели покупку со всех сторон. Трогательная плетеная ручка, желтый шнур и ослепительный никель радовали глаз. Тут же были перечислены все достоинства нагревательного прибора: выгорает на 7 копеек в час, нагревается в 12—15 минут.

Яков Борисович аккуратно взял чайник и пошел с ним к двери.

— Надежду водички, да заодно и соседей, кого увижу, пропагандирую. Надо культуру в быт вводить. Я на этот счет энтузиаст.

Но жена почему-то заволновалась.

— Аша, а, может быть, лучше не надо? Лучше не показывать чайничек, то есть я хочу сказать приборчик. У меня какое-то подсознательное, тревожное чувство.

Но Яков Борисович уже шел по коридору, победоносно неся перед собой чайник.

В общей кухне было многолюдно и шумно. При появлении Якова Борисовича с чайником наступила зловещая тишина.

Яков Борисович почувствовал недоброе, однако сказал довольно бодро:

— Нагревательный приборчик. Экономно и культурно. Всем советую.

У плиты кто-то тихо фыркнул, а жена заведующего овощным магазином сказала вско:

— Насчет культуры спорить не приходится, а насчет экономии — это нам счетчик покажет.

Несколько враждебных голосов заговорили о расхищении электроэнергии, об увеличении счетов, и Яков Борисович, поскорее нацедив воды, сумрачный вернулся в свою комнату.

Попозднее к ним опасливо заглянула доброжелательная старушка из восьмой квартиры.

— Ах, как напрасно вы свой чайничек обнаружили, — огорченно покачала она головой.

— Хотел культуру в быт внедрять, — уныло сказал Яков Борисович.

— Как дитя малое, — опять сокрушенно вздохнула доброжелательная старушка. — Да они все кругом давным-давно культурные. У них, может, у каждого по две электрических кастрюли да по три утюга под кроватью понапахато. Только жгут потихоньку, озираючись. Кому охота переплачивать? А раз у вас чайничек объявился, ну и будут под его бирку все нагреваться. А вы — плати.

В конце месяца ошеломленному Якову Борисовичу представили счет за электричество на сорок пять рублей девяносто две копейки вместо обычных трех с половиной.

Убитый горем он побежал в домоуправление.

— Товарищи! — взмолился он. — Да где это видано, чтобы двоим на такую сумму чаю выпить! Мне думается, откройся чайнику с наемным трудом, и то меньше выгорит! Мне и при покупке со всей ответственностью сказали, что больше двух-трех рублей в месяц нагревательный прибор не берет.

В домоуправлении засмеялись.

— Два рубля! А за что же он нагревательным-то называется! Вот, нагрели тебя на сорок пять рублей — хочешь, плати, хочешь, в суд подавай. Все равно уплатишь.

Поздно вечером он надел пальто, поднял воротник, надвинул пониже кепку для неузнаваемости и, выйдя на улицу, подобрался к первому соседскому окну.

Он прикинул лицом к стеклу. Сквозь тюлевую занавеску он увидел жену заведующего овощным магазином. Трудолобиво склонясь над столом, она разглаживала электрическим утю-

гом что-то большое и розовое в крапинку. Рядом на столе возвышалась аккуратная стопка наглаженного белья.

Беспумно перебежал он к следующему окну.

Семья инженера Горшкова сидела вокруг обеденного стола, на котором, красуясь обтекаемой формой, серебром отливала кастрюля с длинным оранжевым шнуром, ведущим к штепселю. Яков Борисович беззвучно захохотал и двинулся дальше.

Последнее окно принадлежало доброжелательной старушке.

— Пожалуй, здесь и глядеть нечего, — подумал он, но все же заглянул в старушкино окошко.

В комнате не было ни чайника, ни кастрюли. Яков Борисович совсем было отвернулся, когда взгляд его приковал незаметный серый шнурок, ползущий через всю комнату под кровать. В это время доброжелательная старушка поднялась со стула, опасливо огляделась по сторонам и, мелко перекрестившись, приподняла одеяло. Под кроватью уютно стояла электрическая печка.

Яков Борисович не выдержал и со всей силы двинул кулаком по раме. Стекла задребезжали, старушка вскинулась, как подстреленный заяц.

На другое утро, проходя по кухне, Яков Борисович бодро бросил в самую гущу хозяек:

— А я чайничек-то ликвидировал! Теще подарил.

Вечером того же дня соседи шопотом передавали друг другу, что Яков Борисович приобрел целый ассортимент нагревательных приборов, от особо мощной электрической печки до кипятилки для яиц включительно.

— Совести в людях нет, — вздыхала доброжелательная старушка.

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. В. Васильева

Предметы ширпотреба далеко неширокого потребления.

Повезло!

ЭТА забавная историйка случилась с моим знакомым кассиром Аркадием Борисовичем К.

Аркадий Борисович, я думаю, не откажется устно подтвердить правдивость моего рассказа, а если понадобится, то подписью и печатью своего месткома заверит, что я ничего не присочинил.

Одним словом, Аркадий Борисович однажды заметил, что его костюм окончательно пришел в упадок.

Пиджак измят так, будто его долго жевала корова, на бортах пятна всех фасонов, а о брюках и говорить нечего: на коленях пузыри, а сзади не то что блестит, а как бы сияет таким нимбом.

Аркадий Борисович никогда не был франтом и пижонем, но все же пришлось ему пойти в Швейремонт.

Надел он старую толстовку, положил костюм в чемоданчик и пошел.

В Швейремонте приняли у Аркадия Борисовича его пиджак и сияющие штанишки, выдали квитанцию и назначили срок, когда прийти за костюмом.

Приходит кассир через пять дней, как было назначено.

Приемщик взглянул на его квитанцию и стал искать на вешалке среди отремонтированных пиджаков и брюк одежду Аркадия Борисовича.

Ищет, представьте, пять минут — не может найти!

Ищет десять минут — не может найти! Сами понимаете, Аркадию Борисовичу стало не по себе.

— Нельзя ли поскорей искать! — говорит кассир, — а то деньги берете вон какие, а ставляете ждать! Безобразно!

Приемщик отвечает, нервно швыряя чужие пиджаки на стойку:

— Одну минуту терпения, гражданин! Вчера мы одному клиенту костюм искали, так он у нас в кабине без штанов час с четвертью сидел — и то меньше волновался. А вы одевшись ждете!.. Не бурчите под руку!..

Ищет еще пятнадцать минут — как в воду канул костюм кассира!

У Аркадия Борисовича, что называется, «в зобу дыханье сперло».

— Под суд! — кричит кассир, — где жалобная книга!..

Приемщик объясняет:

— Одну минутку терпения, гражданин. Чего вы волнуетесь? Вам же русским языком говорят, что ваш костюм был у мастера Федякина, какой уволен за опоздание и нетрезвое поведение... Наверное, он его куда-нибудь за-

сунул!.. Не теряйте надежды, приходите завтра — поищем!..

Приходит Аркадий Борисович на следующий день, а его уже ждет сам заведующий. Он заводит кассира в кабинку для ожидания и говорит ему шопотом, чтобы не слышали другие клиенты.

— Ваш костюм, дорогой товарищ... того... приказал долго жить... Примите наши извинения и просим вас не поднимать скандала. Кончим инцидент тихо, благородно!.. В каждом деле бывают ошибки!..

— Хорошенькая ошибка, — кричит кассир, — был костюм — и нет костюма!

Заведующий от страха не говорит, а шипит: — Тише!.. Ради бога, тише!.. Мы исправим нашу ошибку... Мы вам бесплатно сошьем новый костюм, только не поднимайте историй.

— К прокурору вас, подлецов! — не сдается кассир.

Короче говоря, уломали кассира, как миленького, и он вернулся домой в наилучшем расположении духа.

Через пять дней новый костюм из темносинего бостона был готов.

На примерке присутствовал сам заведующий.

Кассир стоял перед зеркалом очень довольный, важный, красивый, любовался своим пышным отражением и для проформы придирался к мастеру:

— Левый рукав как будто длинноват!

Вдруг в кабинку входит приемщик и заявляет:

— Прекратите примерку гражданину. Ихний старый костюмчик нашелся.

— Как нашелся?

— Так. Федякин, оказывается, его под стойку засунул.

Не успел Аркадий Борисович моргнуть, как красивый пиджак из темносинего бостона с него сняли. Он пытался было протестовать, но ему быстро подставили стул, деликатно усадили и мигом стащили с ног новые брюки.

— Моду какую завели, чуть что — прокурором грозить! — сказал заведующий. — Удивительный народ! Березкин, скажи там, чтобы им отутюжили найденный... армячок!

— Халат-то хоть пока дайте! — попросил расстроенный кассир.

— Халат можно!.. Березкин, дай им халат какой похуже!

Через четверть часа принесли Аркадию Борисовичу его старый костюм. Только это он с невольным вздохом сожаления собрался натянуть свои сияющие штанишки, как вдруг задрожал от радости: на левой штанине сзади зияла большая рыжая дыра — должно быть, прожгли утюгом во время утюжки.

— Под суд! — не помня себя от восторга, завопил кассир. — К прокурору подлецов!

Снова прибежал заведующий. Посмотрел на дыру и побледнел.

— Тише!.. Ради бога, тише!.. В каждом деле бывают ошибки!.. Березкин, отдай им ихний новый костюм!.. Старый прикажете вернуть?

— Сначала почините прожженную вами брюку, — сказал кассир.

— Непременно-с!..

Теперь, когда случается Аркадию Борисовичу слышать, как ругают Швейремонт за плохую работу, он загадочно улыбается, подмигивает и говорит:

— Это, знаете, кому как повезет. Я лично, например, не жалею!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

НОВОСТИ ТОРГОВЛИ

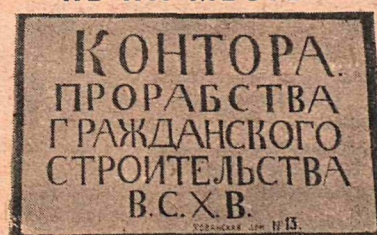
Свинные котлеты из говядины! Баклажанная икра из клубники! Грушевое варенье из свеклы!

Не может быть? Абсурд? Нет, может. Полюбуйтесь:

Так и написано: «Кильки с пряностями из хамсы». Bravo, изобретатели из Главконсерва!

НЕ НА МЕСТЕ

Красуется эта вывеска с загадочным словом «прорабства» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и удивляет прохожих. Зачем она вывешена? Как экспонат? Тогда срочно следует перевезти ее на выставку безграмотности. Там такому образцу не было бы цены.

Рис. И. Семенова

Когда в бане нет воды.

Вторая натура

В НАШЕЙ квартире бесшумно скончался жилец, некто Полузипунчик, Роман Кузьмич, холостяк, член профсоюза, бездетный.

Смерть постигла его от огорчения. Покойник, царствие ему небесное, был заядлым клеветником. Перед уходом на тот свет он успел на этом свете сочинить 117 заявлений на различных лиц мужского и женского пола. Его заявления полностью — на все 100 процентов! — не оправдались... Спи спокойно, скромный труженик!

После похорон вскрыли письменный стол Полузипунчика. И там в ящике обнаружили черновик незаконченного письма. Как это ни странно, посмертное произведение усопшего сочинителя носит любовный характер. Это — нежное письмо девушке, письмо, слегка овеванное тонкой грустью.

Но привычка — вторая натура. Роман Кузьмич то и дело сбивается с лирических излияний на выражения, более свойственные его суровому перу. Он тут же спохватывается и зачеркивает.

Приводим полностью содержание черновика. Зачеркнутые Полузипунчиком места набраны курсивом и заключены в скобки и для чтения вовсе не обязательны:

«Марье Егоровне Каштановой, Маше, Манечке.

(Копия — местком, копия прокурору, копия Комиссии советского контроля.)

Дорогая моя! Мне грустно и печально. (Исходя из вышеизложенного считаю своим нравственным долгом подчерк...) Я хочу раскрыть перед тобой всю свою душу.

Сию и думаю о тебе. Вечереет. С поля повеяло прохладой. Слышно, как в камышевых зарослях озера тоскливо квакают лягушки. Огненный диск солнца лениво (Как я уже об этом неоднократно заяв...) спускается за холмы, в густые заросли орешника.

Хотелось бы в эту минуту быть с тобой, вместе с тобой любоваться догорающими огнями уходящего дня. А я сижу один у открытого окна своей маленькой комнаты. (Между прочим, должен заявить, что Кишкины отхватили еще одну комнату, так как, по-моему, они являются приятелями управдома. А это не первый случай, когда наш управ...)»

Сию я, моя дорогая Маша, один со своей тоскою. Напротив в доме появился свет в окнах. Всюду жизнь, всюду радость. Люди чему-то смеются. Вот они даже танцуют под стройные звуки патефонной пластинки. (Кстати, не мешало бы надлежащим органам власти расследовать, где эти граждане достают пластинки с заграничным танго.)

И мне тоже хочется и яркого света и радостных песен. Но без тебя мне свет немил, солнце кажется тусклым, а звезды в синем небе похожи (на темные и весьма подозрительные личности) на темные точки. А вспомню о тебе, хорошая моя Маня, и душа поет. (Между прочим, касательно песен должен отметить невыдержанность некоторых из них и протаскивание чуждой нам контрабанды. Так например в песне «Полушко-поле» чья-то рука засунула такие подозрительные...)»

Да, Маша, душа поет. Я хочу верить, что твои голубые глаза будут с нежностью и любовью смотреть на меня. И мы вновь с тобой, как в (бывшие) прошедшие годы, будем хо-

дить за город, в рощу, внимать весенним трелям соловья. (И еще в рассуждении песен я должен прибавить, что в песне «Полушко-поле» имеются такие сомнительные строки: «Девушкам сегодня грустно, девушки сегодня плачут». Это есть прямая вылазка. Потому что бодрые девчата нашей страны никогда не плачут. Куда же смотрел Главрепер...)»

Но ты, жестокая, на все мои письма не отвечаешь. (Наподобие заядлого бюрократа Иванькова, который 47 моих сигналов сдал в архив и грозит привлечь меня к ответственности.) Но я думаю, что мы еще (с этим Иваньковым) с тобой встретимся, дорогая, мы еще поговорим (в другом месте!).

Иль, может быть, мои письма не доходят до тебя? Я пишу по старому адресу: Лермонтовская, 19, кв. 7, Онуфриевым. Для М. Е. Каштановой. Но ты ведь знаешь, как еще плохо работают наши органы связи. (А что касается тесной связи упомянутой гражданки Каштановой, М. Е., со своей тетушкой, то...)»

У меня ведь к тебе самые теплые, самые нежные чувства, которые никогда не угаснут. (Еще обращаю внимание, что уличные фонари не гаснут, согласно обязательного постановления, в установленные часы. Куда смотрит...)»

Маша! Еще и еще раз сигнализирую тебе о своем сильном чувстве к тебе. Жду ответа. Я приду туда, куда (куда смотрит городской прокурор, который потакает упомянутому Иванькову, не является ли он его собуты...)»

* * *

На том письмо покойного Полузипунчикова обрывается... Еще раз: спи спокойно, скромный труженик!

Г. РЫКЛИН

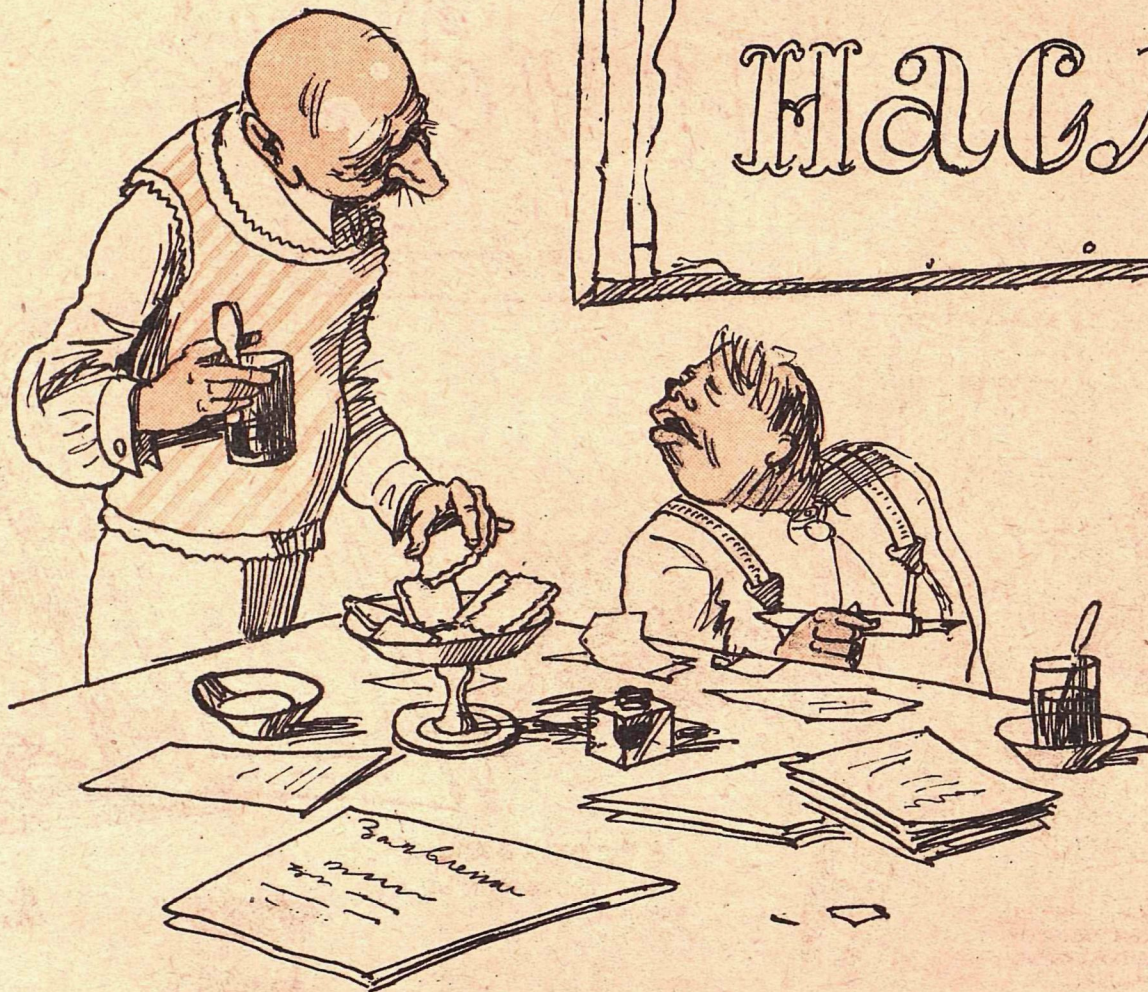

ЮГ
39

Рис. Ю. Ганфа

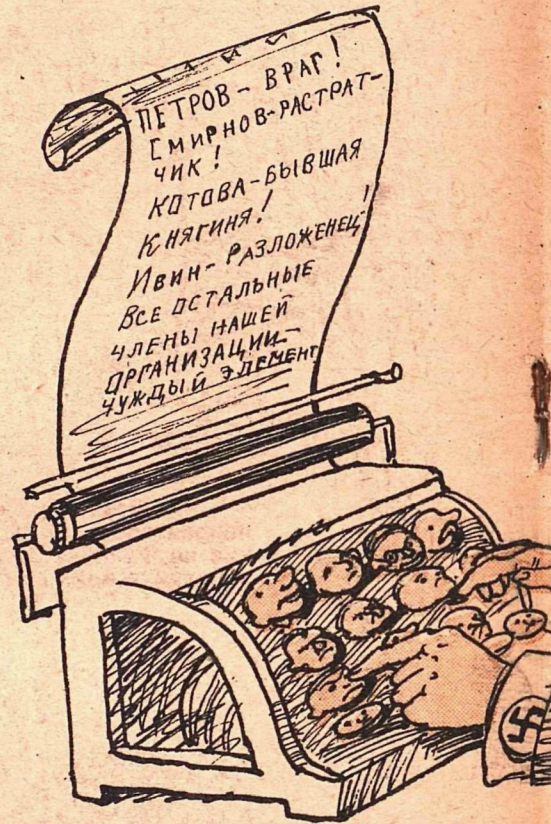
Миротворцы
(проект памятника)

ТОРГ ДВУ НАСЛЕДНИК

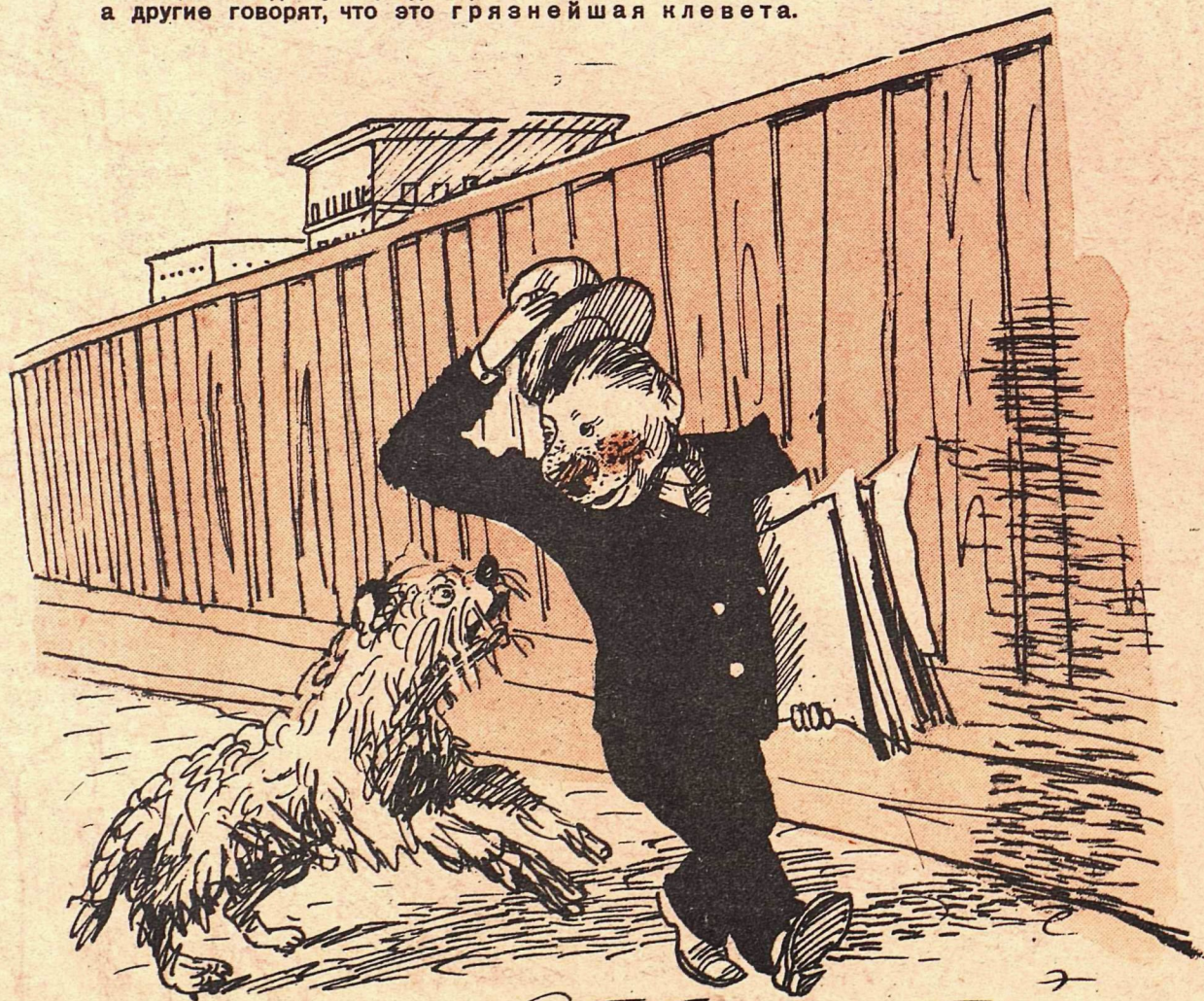
МНЕНИЯ РАСХОДЯТСЯ

— О моих заявлениях на Карпова люди держатся разных мнений: одни утверждают, что это чистейшая ложь, а другие говорят, что это грязнейшая клевета.

ВРАЖЕСКАЯ МАШИНКА

— Не напрасно я плачу монету,
Не напрасно день и ночь стучу:
Стоит чуть нажать на клику эту
И она клеветает, как хочу.

СВОЕГО НЕ УЗНАЛА!

— Ну, ты Цыц! Меня не перебрешешь!

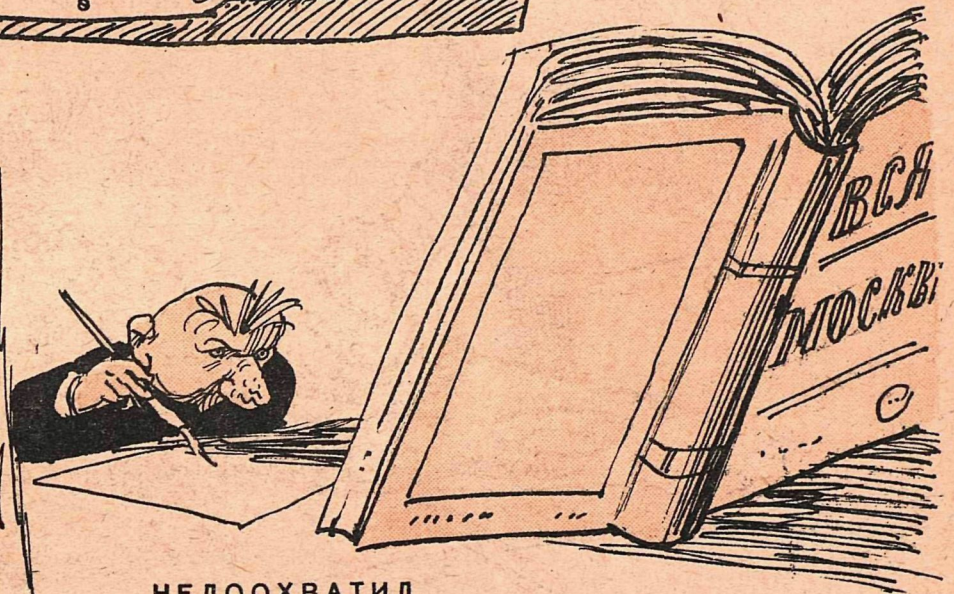

КЛЕВЕТА В

Дом Собакевича

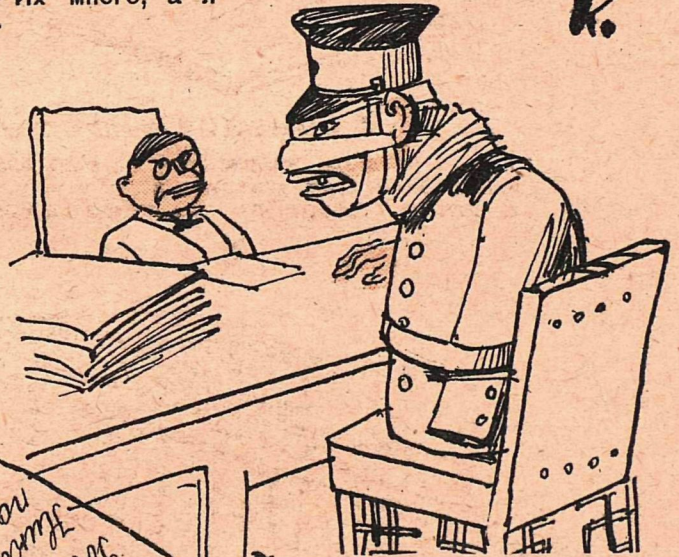
— Подумай, Маша, какая неприятность. Я написал заявление на Галкина, а оказывается, у Балкина комната больше.

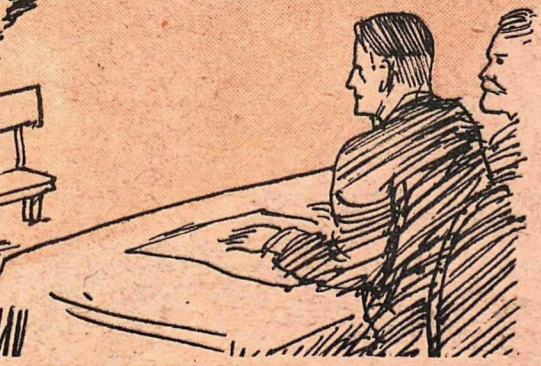
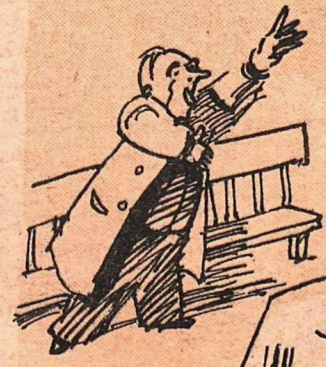
НЕДООХВАТИЛ
— Их много, а я один.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ
или
старые счета Собакевича со своим автором Гоголем.

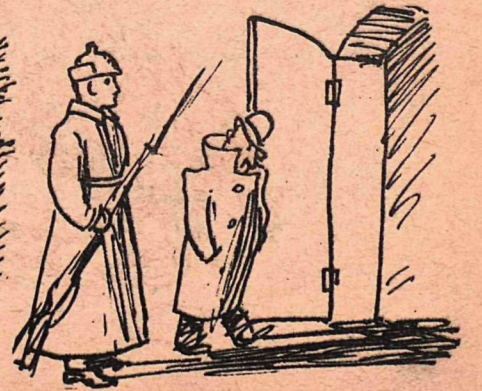
В РЕДАКЦИИ ЯПОНСКОЙ ГАЗЕТЫ
— Так как после Хасана вы больше непригодны к военной службе, мы поручаем вам писать о слабости советской армии.

ОКЛЕВЕТАЛИ

— Товарищ судья, как я мог написать 75 заявлений, когда у нас в учреждении работает всего 63 человека?

ПОСЛЕ ДОЛГИХ ТРУДОВ КЛЕВЕТНИК ПРИШЕЛ К СЛЕДУЮЩЕМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ:

ИСКУССТВЕ.

Рис. Евгана

— А мы с хозяйкой уже начали линять.

Письмо

Исполняющему обязанности председателя исполкома Красного креста и Красного полумесяца товарищу П. Г. Глебову.

Глубокоуважаемый Петр Григорьевич!

Не будучи уверенными в том, что это письмо, посланное общепринятым путем, попадет в ваши руки, мы вынуждены прибегнуть к столь необычному способу.

Вы не обижайтесь, Петр Григорьевич, за откровенность, но в вашем департаменте что-то неладно.

Особенно наше недоумение вызывает один ваш сотрудник. Вы его отлично знаете, — он у вас уже работает восемь месяцев. Это он выступал 28 марта с докладом на собрании работников исполкома и распекал всех и все за расхлябанность и нерадивость. Какое блестящее выступление! Какой слог!

А как пишет этот товарищ! В журнале «Санитарная оборона» помещена его статья. Каждое слово — золото. Каждая мысль — перл:

«Надо раз и навсегда покончить с барским пренебрежительным отношением к проверке исполнения принятых решений, к жалобам трудящихся — членов общества...»

Все это слова, а теперь, Петр Григорьевич, окинем беглым взглядом суровую действительность, в которой пребывает означенный товарищ.

Вдруг этому товарищу перестали вообще писать. Стал он доискиваться, почему и как это произошло. И установил, что писать-то ему пишут, но помощники, не желая его особо обременять, пересылают письма другим работникам. А там письма эти вовсе не распечатываются или распечатываются, но не читаются.

Ой, как досталось работникам, за то что они мариновали письма!

— За письмами скрываются живые люди. Это расхлябанность!..

Когда же кто-то из второстепенных сотрудников спросил указанного выше товарища, почему он сам не отвечал на многие письма, знаете, что он ответил?

— Я привык диктовать. Для меня большая трагедия, что у меня нет стенографистки, а то пока сядешь за свои иероглифы...

Четыре раза об одном и том же деле писали ему из челябинского обкома Красного креста. Четыре раза по одному и тому же делу писали ему из сызранского райкома Красного креста. Писали ему с Дальнего Востока, из Ивановской области, из Дагестана — все письма постигала одна и та же участь.

В начале этого года поручили этому товарищу выступить на собраниях актива общества. Он всюду выступал со свойственным ему красноречием, сулил золотые горы, миллионы значков, членские билеты, инструкцию и литературу о подготовке к санитарной обороне. Но стоило ему только сесть в вагон и покинуть город, где он «проводил» собрание актива, как все из головы улетучивалось — и обещания, которые он так щедро раздавал, и постановления, которые он сам редактировал.

Мы могли бы еще многое рассказать об этом товарище. Да что там распространяться?! Вы сами лучше нашего знаете, как у этого товарища слова имеют печальное обыкновение сворачивать в сторону, от дела. Вы отлично знаете этого товарища, вы работаете с ним бок о бок не только в одном учреждении, но и в одном кабинете. По странному совпадению зовут его также Петр Григорьевич. Фамилия его Глебов, служебное положение — исполняющий обязанности председателя исполкома Красного креста.

Мы твердо надеемся, уважаемый Петр Григорьевич, что вы не будете подражать дурным примерам и не сошлетесь на отсутствие стенографистки, а сами ответите на это письмо и подробно расскажете о положении в аппарате исполкома Красного креста. Почерком можете не смущаться: разберем любые иероглифы.

Остаюсь с совершенным почтением
КРОКОДИЛ

Проникновение в детали

Все мы смертны. Пройдут года, и из памяти человечества сотрутся черты этого проникновенного деятеля судебного фронта, справедливейшего из когорты судей. Читатель! Пока не поздно, запечатлей в душе своей образ Тюренкова, народного судьи 10-го участка Баумановского района города Москвы. Пользуйся случаем, читатель!

Мы приведем только один факт. Но и одного факта достаточно, чтобы благодарное человечество оценило по достоинству деятельность этого Соломона современности.

Судебное разбирательство иска гражданки Дубинчик к гражданке Кудряшовой состоялось 15 марта. Но верный своим принципам:

а) внимание мелочам,
б) детальнейшее ознакомление с делом,
в) чуткий подход в решении вопроса, — верный своим принципам судья Тюренков проделал громадную подготовительную работу, предшествующую судебному разбирательству. Судья Тюренков распорядился о выезде состава суда на место для ознакомления с делом.

Специальным выездом на место было установлено:

1) что в коммунальной квартире, занимаемой гражданкой Дубинчик и гражданкой Кудряшовой, действительно имеется ванная комната;

2) что в ванной комнате действительно имеется ванна;

3) что у гражданки Кудряшовой действительно имеется корыто;

4) что корыто это металлическое;

5) что действительно в вышеуказанной ванной комнате в углу стоит вышеуказанное корыто, а на корыте таз;

6) что корыто:

во-первых, мешает;

во-вторых, подвержено всегда брызгам, которые могут попадать из ванной;

7) что в ванной комнате действительно проходят канализационные трубы;

8) что в этой же комнате действительно имеется стенка.

Подробно и досконально выявив обстоятельства дела, судья Тюренков 15 марта 1939 года в открытом судебном заседании под своим председательством при участии судебных заседателей Козлова и Корнеевой рассмотрел исковое заявление гражданки Дубинчик к гражданке Кудряшовой.

Взвесив все обстоятельства дела, огласив акт, составленный при выезде состава суда на место, заслушав прения сторон и объяснения ответчика, суд удалился на совещание. А, посоветовавшись, председательствующий судья Тюренков огласил определение.

В этом официальном судебном документе после детального перечисления сути дела суд предписал:

«Для устранения недоразумений Суд считает правильным повесить корыто на стенку около канализационных труб, а таз поставить в углу на место, где стояло корыто. Суд

ОПРЕДЕЛИЛ

Обязать гражданку Кудряшову Е. Ф. от ванны принять корыто и повесить его на стенку в ванной комнате около канализационных труб».

Определение скреплено собственноручными подписями судьи Тюренкова и народных заседателей Козлова и Корнеевой.

О Тюренков, мудрейший из мудрых судей! Хвала и слава твоему чуткому и нежному сердцу!

Е. ЕФРЕМОВ

Шалости писателя

(К восьмидесятилетию со дня рождения Шолом-Алейхема)

Шолом-Алейхем вместе с другими писателями приехал в 1908 году в Одессу проведать старого писателя Менделе Мойхер-Сфорим, «дедушку», как его почтительно называли.

Когда они вошли в дом, «дедушка» был наверху, в школе.

— Мы подождем,— сказали гости и расселись в кабинете вокруг письменного стола.

Шолом-Алейхем прёшел в соседнюю комнату. И тотчас оттуда донесся голос «дедушки», старческий, звенящий и радостный:

— Скажите, кто это? Я мог бы поклясться, что это Шолом-Алейхем! Откуда прилетела моя гвардия? Что ж, очень приятно! Жена, слышала? У нас важный гость. Вели поставить самовар. Шолом-Алейхем здесь и вся гвардия. «Не стоит возиться с самоваром?» — говоришь ты. Может, ты и права. Ша..

С последними словами Шолом-Алейхем открыл дверь в кабинет. Он остановился на пороге, с выпяченной грудью и запрокинутой назад головой. Ни дать, ни взять, настоящий Менделе Мойхер-Сфорим.

Раздался веселый смех. И громче всех смеялся сам «дедушка», подоспевший в это время к гостям.

— Я вечный бродяга,— жаловался Шолом-Алейхем в Америке.— Надоели вагоны, дорожа, машина. Надоели города Америки — холодные, один на другой похожие. Надоели ветер и дождь...

— Но что делать?

— Послушайте! — обратился Шолом-Алейхем к ехавшему вместе с ним секретарю.— Давайте переменимся ролями. Сейчас за нами выйдет открытую машину. Начнут интервьюировать. Я и так плохо себя чувствую. Так вот, давайте: вы будете Шолом-Алейхем, а я ваш секретарь.

— Что вы? Что вы? И что это вы вздумали?

— А почему вы так испугались? При вашем росте из вас три Шолом-Алейхема выйдут.

Шолом-Алейхем научил секретаря. Ничего страшного во всем этом нет. Надо только оставаться все время совершенно серьезным, чтобы не навлечь и тени подозрения.

Приехали. Уже издадека заметили делегацию, которая металась по перрону. Впереди — дамы. Мелькнули букеты цветов в руках.

Наконец, делегация заметила двоих, стоявших у вагона.

— Это он и есть!

Первым подбежал журналист, подвижный и юркий:

— Мистер Шолом-Алейхем?

Не раскрывая рта, Шолом-Алейхем величественно указал рукой на своего секретаря.

Высокий секретарь, с поднятым воротником, удрученный своей ролью, опустил глаза и убийственно молчал.

— Что вы? Не узнаете Шолом-Алейхема? — сказал с упреком настоящий Шолом-Алейхем и жестом, полным величия и уважения, снова указал опять на длинноногого секретаря.

— Конечно! Как не узнал?! — захлебываясь, сказал журналист. И все почтительно поздоровались с «писателем».

Сели в открытую машину и поехали.

Секретарь напустил на себя важность. Дулся, сколько мог. Отвечал на все вопросы очень серьезно, с достоинством. Крепился. Не выдавал себя ни одной

черточкой. Надеялся, что выдержит до самой гостиницы. Но вдруг потянуло посмотреть на Шолом-Алейхема. Как он? Одобряет ли его поведение? Секретарь повернулся боком, искося посмотрел на Шолом-Алейхема. А тот сидел весь красный, закусив губы, давился от смеха, глаза были полны слез.

У секретаря что-то поднялось до самого горла, и он громко прыснул.

Журналист, сидевший рядом, на один момент сделал удивленное лицо, потом с важностью подтянулся и вытащил свою записную книжечку из бокового кармана.

— Я сразу понял, что нас водят за нос. Разве можно не узнать Шолом-Алейхема?

Тот самый провинциальный журналист, который «понял», что его водят за нос, пришел на следующее утро в гостиницу проведать Шолом-Алейхема.

Писатель сидел у себя в номере и читал сборник басен Гирша под названием «Сто капель чернил».

Разговорились о баснях.

— Вы понимаете толк в баснях? — спросил Шолом-Алейхем.

Журналист сделал кислую мину:

— Да... Но эти басни не представляют собой ничего интересного...

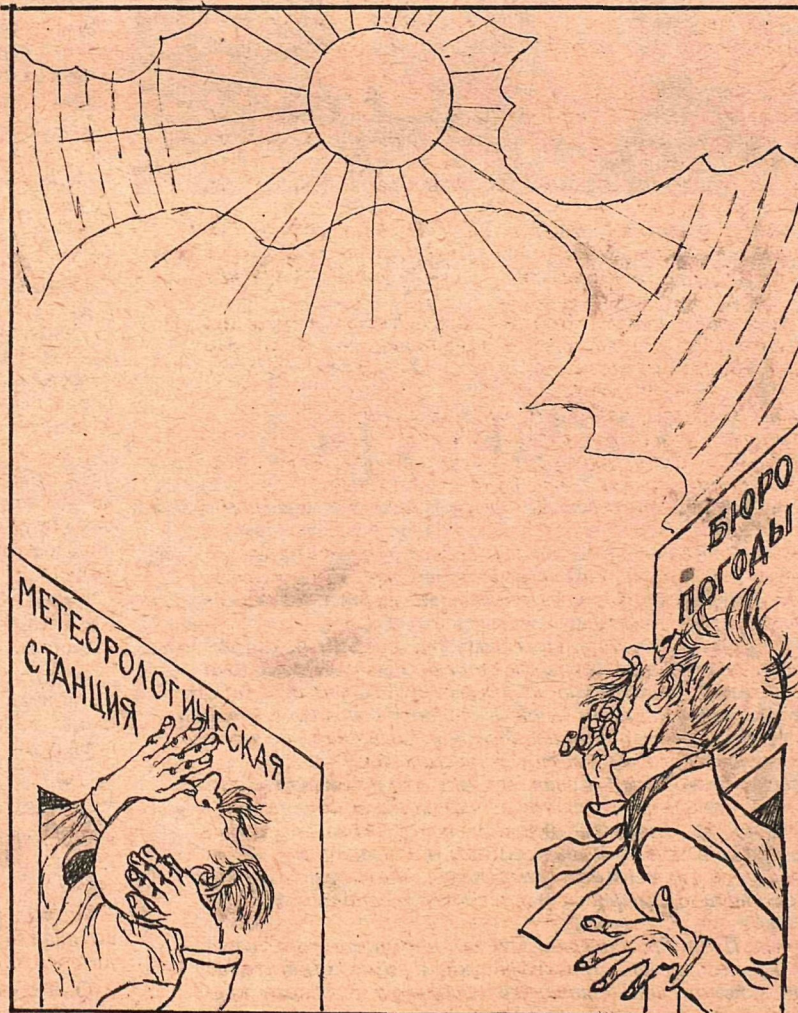
— Если вы так хорошо разбираетесь в баснях, то я вам сейчас дам прочесть одну свою басню.

Шолом-Алейхем вышел в другую комнату, написал с книги басню и дал журналисту.

Тот едва прочел до конца:

ШУТКИ ВЕСНЫ

Рис. М. Черемных

Не ждали!

— Ну, какое сравнение! Гирш — и Шолом-Алейхем! О чем говорить? Разве можно сравнить?

Его голос звучал все увереннее.

— Так вот, знайте! Басня не моя. Я списал ее у Гирша.

— Дайте, я еще раз прочту!

Журналист протянул руку за бумажкой. Он весь, с головой, ушел в нее. Поднял сияющее лицо, словно, наконец, добился истины:

— Басня мне сперва показалась неплохой, но теперь я вижу: нет, не то. Разве это шолом-алеихемовское перо?!

Писатель немного помолчал. За стеклами очков заблестели веселые, смеющиеся глаза:

— Так вот, знайте, что басня моя!

Журналист был окончательно сбит с толку.

После одного из выступлений в Нью-Йорке к Шолом-Алейхему подошел адвокат в смокинге, слегка подхватывающем талию, брюках в полоску, с руками в карманах и тоном превосходства, смешанного со снисхождением, сказал:

— Уэл, мистер Шолом-Алейхем! Я должен вам сделать комплимент. У вас это вышло — ол райт! Я в первый раз слышу от писателя такие интересные анекдоты на еврейском жаргоне.

Шолом-Алейхем оглядел адвоката с головы до ног и ответил ему в тон:

— Уэл, я тоже должен сделать вам комплимент! Я в первый раз вижу ньюйоркского адвоката, который держит руки в собственных карманах.

В своей огромной переписке у Шолом-Алейхема не было больших и маленьких корреспондентов, важных и неважных, стоящих и нестоящих. Он никогда не оставлял письма без ответа, будь то от человека нудного, как горькая польня, или даже нахального, как придорожная крапива.

Раз один провинциальный издатель предложил Шолом-Алейхему, чтоб он составил «письмовник», сборник писем на все случаи жизни.

Писатель ответил восторженным письмом:

— Это гениальная идея! Но сколько вы можете мне за это заплатить?

Издатель поспешил ответить:

— Сто рублей.

— Мало! — гласил ответ Шолом-Алейхема.

Завязалась оживленная переписка.

— Сто двадцать пять рублей.

— Мало!

— Сто пятьдесят рублей.

— Мало!

— Сто семьдесят пять рублей.

— Мало!

— Двести рублей.

— Мало!

И так, прибавляя все по двадцать пять рублей, издатель дошел до тысячи рублей.

Тогда Шолом-Алейхем подумал: «У издателя набралось столько его писем, что он уже может составить из них «письмовник».

«Будет!» — сказал себе Шолом-Алейхем и прекратил эту переписку.

Из книги о Шолом-Алейхеме под редакцией И. Берковича

Перевела Лина Нейман

Рис. М. Черемных

— А при даче есть сарай?
— Есть. В нем-то вы и будете жить.

Вместо рецензии

Дедушка с характером

Ну, вот, наконец-то! Дождались все-таки и забавных трюков, и озорной эксцентриады, и непринужденного веселья!

Вот это фильм! Сколько забавных эпизодов! Дело происходит в поезде. Директор фабрики патефонных пластинок Цветков хочет похвастаться своими достижениями, но вместо обещанной, единственной в своем роде пластинки демонстрирует какую-то бредовую смесь из музыки и урока английского языка. В спешке он неправильно склеил разбитую пластинку. Цветков выбрасывает пластинку в окно. Она летит, как бумеранг, по кривой, и попадает в открытое окно следующего вагона на стол к радисту экспресса. Тот ставит пластинку на диск патефона, и спутники Цветкова с удивлением слышат по радио то, что директор называл единственным уникальным экземпляром.

А Цветков — дома! Бедняге приходится тяжело. Суровая и ревнивая жена спит, а шесть этажей кричат, требуют, просят:

— Каховку поставьте! Козловского! Вальс бостон!

Из всех окон зовут Цветкова. Он плотно закрывает дверь, ведущую на балкон, но в

этот момент у окна останавливается люлька маляра и на всю комнату гремит его бас:

— Товарищ Цветков, поставьте музыку, нам работать сподручнее...

А сцена в меховом магазине, когда необоснованная ревность жены Цветкова является поводом для многочисленных, подлинно комических положений! А как забавна сцена перед карнавалом, когда на стоянке средневековый рыцарь и аббат спорят из-за такси. Это костюмированные Цветков и Бобрик. Они и так враждуют, а тут еще этот спор из-за машины. Только милиционеру удается разнять их и, по меткому выражению шофера, — «отделить церковь от государства».

Много смешного и в роли другого хозяйственника, директора «Мехторга» Бобрика. Он тоже гордится своей профессией и, чтобы продемонстрировать хороший мех, протягивает руку к голубому песцу соседки по вагону. Но мех песца огрызается: это живой шниц.

А какой неподдельный ужас написан на лице служащего карнавального тира, когда героиня фильма Катя Иванова, сбив все мишени, стреляет в маятник стальных часов!

Таких эпизодов много. Может быть, все это не очень глубоко и не слишком, что ли, нравоучительно, но это веселые комедийные трюки, это вызывает смех. А, по нашему скромному мнению, совсем не вредно, если комедия вызывает смех.

Рецензируемый нами фильм называется «Девушка с характером». Авторы сценария Г. Фиш и И. Склот. Режиссер К. Юдин. Производство фабрики Мосфильм.

Все упомянутые нами выше комедийные положения никакого отношения к этому фильму не имеют.

Мы признаемся в этом сами, потому что любой зритель, просмотревший картину «Девушка с характером», очень среднюю и совсем не очень смешную комедию, может легко изболтать нас.

— Что вы брешете? — скажет зритель. — Здесь есть публицистические монологи о Дальнем Востоке, есть гладенькие и милые советские работницы, изредка попадаются странные и неподходящие по стилю к этому реалистическому фильму условные трюки, но эксцентриады, шутки, озорства здесь нет.

Зритель, конечно, будет прав. Но и мы не виноваты. С полной ответственностью заявляем, что все смешные ситуации, лишь частично перечисленные нами, действительно были в «Девушке с характером». Их придумали авторы сценария. Они были внесены в режиссерский сценарий, а затем началось то, что происходит, к сожалению, почти с каждой кинокомедией.

Когда дело доходит до комедии, всегда, на фабрике ли, в комитете ли, а чаще всего и на фабрике и в комитете находится какой-нибудь дедушка с характером. Характер у него обычно мрачный. Смех он называет произвольным сокращением лицевых мышц. И ко всему смешному относится с чувством острого недоверия и некоторого почти мистического страха.

Конечно, мрачные дедушки не могли пройти мимо безобразного факта наличия смешных мест в сценарии фильма «Девушка с характером».

И началось. Фильм стали усердно насыщать «идейным содержанием», под которым у киноконсультантов почему-то подразумевается сухая и однообразная публицистика. Затем картину решили освободить от «американщины», «трюковщины» и «смехачества». Ниже мы приводим соответствующую таблицу.

Таблица изъятия смешного из сценария комедии «Девушка с характером»

Условное название сцены	Причины изъятия на языке работников киностудии и комитета.
1. Цыпленок, вылупившийся в вагоне-ресторане.	Нереалистично!
2. Сцена у такси.	Надругательство над советскими хозяйственниками!
3. Сцена в тире.	Американщина!
4. Сцена с пластинкой.	Нереалистично!
5. Голубой песец, оказавшийся шницем.	Голый смех!

Зато после первого просмотра картины один из работников комитета, просидевший полтора часа с неподвижным лицом, встал и скучным, глухим голосом, почти не разжимая скорбно сжатых губ, заявил:

— Очень смешно! Никогда в жизни я так не смеялся!

Мы с ним не можем согласиться. Мы, как и все обыкновенные зрители, привыкли смеяться громко, не стыдясь произвольного сокращения лицевых мышц. А фильм этого сокращения не вызывает.

В заключение хочется выразить соболезнование авторам сценария Г. Фишу и И. Склоту которые, насколько можно судить по сценарию, хотели сделать смешную комедию.

Эту рецензию просим считать фактической справкой в длительной и шумной дискуссии на тему: «Почему у нас нет хорошей кинокомедии?»

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ.

Тенор в милиции

Рис. Б. Пророкова

ПРИНЯТО ЕДИНОГЛАСНО!

В управлении Сталинской областной милиции обычное деловое оживление.

Сотрудник секретариата Бондаренко сидит за своим столом, рассеянно перебирая бумаги, и поминутно взглядывает на часы. Без пяти двенадцать. В двенадцать должен прийти директор областной филармонии. Предстоит решительный разговор с начальником милиции Голывым, и от результатов этого разговора зависит судьба Бондаренко.

Директор филармонии появляется на пороге минута в минуту. Он весел, энергичен, полон безоблачной уверенности в успехе. Да, он сию же минуту идет прямо к начальнику. Можете не сомневаться: дело будет в шляпе. Что? Зайти после разговора? Ну, конечно, само собой разумеется. Пока!

Бондаренко снова садится за стол и с отсутствующим видом начинает копаться в бумажных внутренностях пухлой папки. Он мысленно провожает директора филармонии в кабинет начальника. Здоровая, нормально работающая фантазия подсказывает ему содержание разговора, происходящего сейчас за дверьми кабинета.

— Здравствуйте, товарищ начальник! Я директор областной филармонии.

— Очень приятно, прошу.

— Так вот, товарищ начальник... У вас в управлении обнаружен замечательный талант-самородок. Великолепный лирический тенор.

— Лирический кенарь?

— Тенор. Понимаете, абсолютная ровность во всех регистрах, красота звука, музыкальность, и так свободно берет верхнее до...

— Чего он берет?

— До... Понимаете, он прямо фурор произвел на Всеукраинской олимпиаде художественной самодеятельности...

— Чего он произвел?

— Фурор. Словом, сенсацию. И ему дали почетную грамоту. И у нас, в городе Сталино, на областной олимпиаде он получил первую премию.

— Это восхитительно, товарищ директор! Как фамилия этого самородка?

— Его фамилия...

— Товарищ Бондаренко! Вы что, заснули? Вас к телефону просят.

Оторвавшись от приятных мечтаний, Бондаренко идет к телефону. Через несколько минут он возвращается в исходное положение. Он опять фантазирует.

— Так вот, товарищ начальник... Когда Бондаренко был в отпуску, мы его приняли в Украинский ансамбль песни и пляски. Солистом.

— Солистом? Ну-ну...

— Прикрепили к нему концертмейстера и преподавателя пения. Товарищ начальник, вы любите пение?

— Товарищ директор, я обожаю пение!

— Так вот, освободите от работы в милиции товарища Бондаренко. Человек рвется к искусству. Официально ходатайствую от имени областной филармонии.

— Товарищ директор, сейчас мы ваше ходатайство рассмотрим. Как, то бишь, фамилия этого самородка?

— Его фамилия...

— Товарищ Бондаренко! Вы что, заснули?

Бондаренко поднимает голову. Перед ним стоит директор филармонии, и на его лице написано кислое разочарование.

— Отшили, значит, — растерянно говорит Бондаренко. — Что же это... Как же я теперь?

Все идет своим чередом в управлении областной милиции. Скрипят перья, заливаются телефонные звонки, звучат отрывистые слова распоряжений и рапортов. Раздраженно барабанив пальцами по столу, сидит у себя в кабинете начальник управления.

— Ишь ты! — жалуется он начальнику своего политотдела. — Мало им того, что бумажки пишут, да через культпросвет обкома ходатайства об этом кенаре шлют. Еще и лично таскаться стали! Шалишь, голубчики, — откапывайте художественные таланты в другом месте... Этак один работник милиции в певцы, другой — в пианисты. У нас тут не консерватория. Тут головой работать надо!

МИХ. ЛЬВОВ

— Кто за то, чтобы уважать старость?..

... Поднимите руки!

Солнце и штаны

Если есть на солнце пятна,
Это очень неприятно,
Но понятно:

Вымыть солнце очень трудно,
Чистить щеткой — безрассудно,
Сдать в химчистку хорошо бы,
Да не хватит сил для пробы,
Словом, как тут ни верти,
С солнца пятен не свести.

Солнце слишком уж громоздко,
Вот в чем главная загвоздка.

Это ясно и понятно,
Но загадка наших дней:
Почему на брюках пятна
Выводить еще трудней?
От планет штаны далеки,
Между ними сходства нет,
Но в химчистке те же сроки
Для штанов и для планет...

МИХ. МАРТЫНОВ

Рис. Б. Пророкова.

Весна наступила. Врачи прилетели.

На дачу

Исповедь домовладельца

Весною я сарай чиню
(Зимой в нем дремали куры).
Я кур на двор метлой гоню:
— На дачу отправляйтесь, дуры!
Выпугиваю на простор
Я голубей из голубятни:
— На дачу! Сбросим зимний сор.
На крыше чище и приятней!
Бредет, от солнца охмелев,
Корова, позабыв про жвачку.
— Оставь, родная, старый хлев!
На дачку, милая, на дачку!

И, выгнав живность на траву,
Умывши руки у колодца,
На голубятне и хлеву
Пишу билетки: «Сдается
Прохладный хлев. К нему в придачу
Мансарда (голубятня то ж)».
«Сдам дровяной сарай под дачу.
Для небольшой семьи хорош».
И встретить я сезон готов.
К нам в Эиск на лето из столицы
Ватага дачников примчится
Под сень прохладных лопухов.

Р. РОМАН

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ СПЕЦИАЛИСТ ПО СГЛАЖИ- ВАНИЮ УГЛОВ

Ежели твоя специальность — сглаживание углов, — поступи в мебельную мастерскую, в сектор круглых столов.

Староста студии, руководимой народным артистом Л. М. Леонидовым, Перстин другого мнения о сглаживателях углов.

По просьбе управления искусств Украины Перстин составил характеристики актеров:

«На нем осадок пошлятины и дурного вкуса от провинциального театра, поэтому его нужно держать в руках».

«Особенно не блещет».

«Очень способная, но в жизни пессимистична».

А вот какую восторженную характеристику Перстин дал... самому себе:

«Безусловно, талантлив. В коллективе может стать заместителем художественного руководителя для сглаживания углов между художественным руководителем и коллективом».

МАЛИНСКИЙ И ЕГО КОРОВА

Заведующий Иолтуховским медицинским пунктом прислал колхозникам с Шелехова (Каменец-Подольская область) такой ультиматум: «Колхозу «Новый мир»

Прошу ваше правление отпустить для моей коровы 1 воз сена или клевера. Если отпустите, буду обслуживать ваших колхозников, если нет, то обращайтесь за 4 километра к божиковецкому фельдшеру.

Зав. медпунктом МАЛИНСКИЙ».

Врач Малинский оказание медицинской помощи колхозникам ставит в прямую зависимость от кормового района своей буренки.

— Нельзя ли, — спрашивают шелеховские колхозники, — самого Малинского поставить в зависимость от советских законов?

РЕЙСЫ ЛЕТЧИКА ТАРАСОВА

Прямо с аэродрома летчик Тарасов отправляется во второй, на этот раз уже сухопутный рейс по городу Чкалову. Пилот двигается по хорошо изученному маршруту: облесполком — горсовет — райсовет — прокуратура. Эта наименее трудная трасса из когда-либо освоенных молодым летчиком. Полтора года курсирует по ней Василий Тарасов и все же не может получить давно обещанную комнату.

— Будьте покойны! — сказали Тарасову в ноябре 1937 года в горжилсоюзе. — Комнату получите наднях.

— Комната у вас в кармане! — заверил пилота председатель облесполкома в январе 1938 года.

— Завтра днем в'едете в новую квартиру! — успокоили пилота горсоветчики в марте.

Но новоселья устраивать не пришлось... Вместе с семьей из пяти человек Тарасов попрежнему ютился в сырой и холодной подвальной камерке размером в семь квадратных метров. Другие летчики авиационного звена, возвращаясь из полета, так же уходили в рейс по городским канцеляриям.

Наконец, Тарасов не выдержал и, отклонившись от трассы, сделал посадку в обкоме ВКП(б).

— Ты партиец и поэтому не должен жаловаться на бытовые условия, — сказал Тарасову в обкоме какой-то унылый резонер. — Крепись и закаляйся!

Приближалась зима. Летчик закалялся в подвале. Тем временем чкаловские учреждения решили от Тарасова отвязаться. Пилотом и его женой уплотнили комнату, где и без того жили трое. Мать Тарасова и его сестра остались в камерке, похожей на неутепленный курятник.

В довершение всех благ выяснилось, что Тарасов вселен в чужую комнату совершенно незаконно. Прокурор потребовал от председателя горсовета Сафонова забрать Тарасова обратно и предоставить ему другую жилплощадь.

Снова пилот отправляется в опостылевший сухопутный рейс.

И это происходит в городе, который носит имя великого летчика!

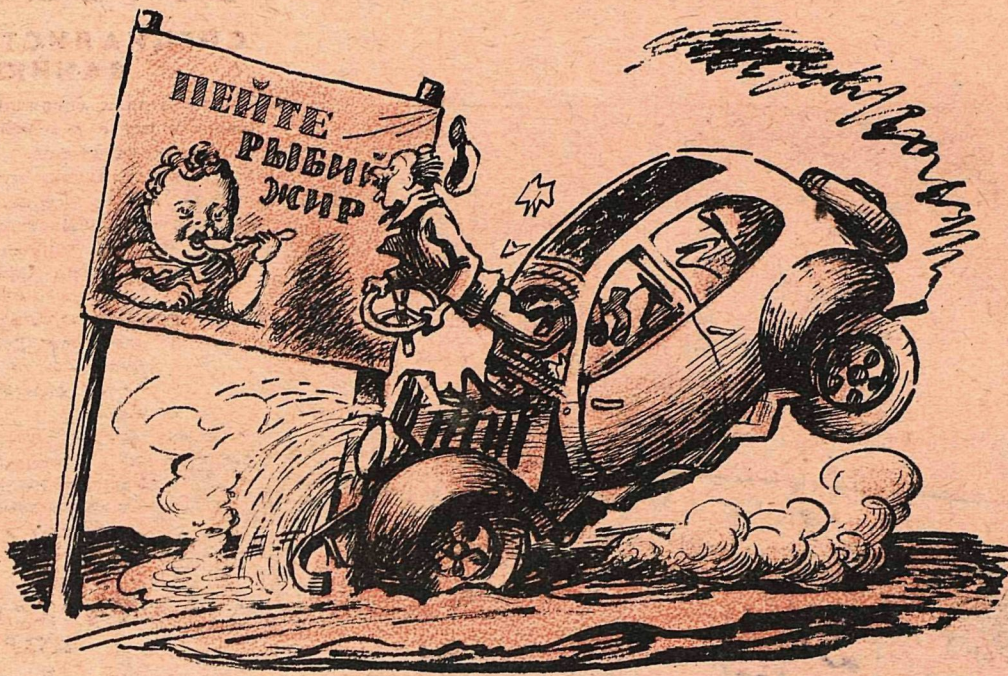

Рис. Н. Радлова

— Не зря я этот рыбий жир с детства не люблю!..

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Смелый новатор и неутомимый исследователь, врач Н. Н. Дмитриев, отныне должен быть известен за пределами Узбекистана. Слава Пастера и Коха меркнет перед его последним открытием. Врач маргеланской амбулатории Дмитриев установил новый вид заболевания — «истерику в связи с производством».

Именно этот диагноз указал Дмитриев в больничном листе, выданном председателю артели имени Кирова С. Азимовой. Ферганская областная промстрахкасса живо заинтересовалась новой болезнью и попросила артель сообщить о ней подробности.

Полученный ответ, как говорится, приподнимает краешек завесы и проливает некоторый свет. Вот выдержки из научных объяснений по поводу тяжкого недуга С. Азимовой:

«При выборах правления артели имени Кирова от критики массы членов артели в сторону якобы плохой, недостаточной работы членов правления просто не вытерпела и упала в обморок».

Затем последовал:

«Припадок от истерики и критики во время собрания на месте».

Врач Дмитриев продолжает свои научные изыскания.

В. ЩЕРБИН,
ст. инспектор Ферганской промстрахкасссы

Дорогой Крокодил!

Если ты встретишь человека в шерстяном костюме, у которого левая штанина — синяя, а правая — коричневая, правая лапа пиджака и рукав — зеленые, а левая лапа и соответствующий рукав — оранжевые, — знай, что этот человек носит костюм производства новосибирской фабрики имени ЦК швейников.

Веселые новосибирцы уверяют, что они шили эти костюмы для новогодних маскарадов. Если это так, то почему костюмы присланы нам для продажи в конце первого квартала, это во-первых, а во-вторых, кто будет покупать маскарадный костюм ценой в 261 рубль?

Вероятно, весельчаки из Новосибирска шили эти шутовские костюмы на свой вкус. Так сказать,

«по Сеньке и шапка». Но я боюсь, что в данном случае шапку надевать не на что.

Х. МУХАМЕТОВ,
парторг базы Рощвейсбита
г. Петропавловск,
Казахстан.

Дорогой Крокодил!

Рабочий Сновского паровозного депо Н. Лудик вовсе не желал, чтобы сын его носил громкую фамилию Македонского, или Ленского, или Коккинаки. Пусть он будет Лудик, как отец его, а не

Лодик, как кому-то заблагорассудилось его наименовать в документах. Одну только букву изменить! Пустяки!

Нет! Не пустяки. Из Щорского загса Н. Лудика послали в судебную консультацию, та — к судье, тот — к прокурору, прокурор — в милицию... Ходил, ходил Н. Лудик и толку не добился.

Не дашь ли ты, дорогой Крокодил, всем этим высокоавторитетным организациям юридический совет, как распутать это сложное «Дело о буквах «у» и «о»?

В. ГАПОНЮК
г. Щоре

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

«ГРОЗА МОРЕЙ ИЛИ СТРАШНАЯ ТАЙНА ПОРТОВОГО ГОРОДА». Под таким заголовком в Крокодиле (№ 33—34 за 1938 год) был помещен фельетон о херсонском морском техникуме. Учащиеся и педагоги обсудили статью на своих собраниях и признали, что Крокодил правильно вскрыл нездоровые явления, позорящие имя студента морского техникума. Актив техникума принял практические меры к тому, чтобы студенты мортехникума стали достойными специалистами.

Ответ актива мортехникума получен. Надо надеяться, что результаты скоро скажутся. Странно только, почему молчит херсонский горком комсомола. Ведь и он в какой-то степени несет ответственность за политико-воспитательную работу среди студенчества!?

«СОР ИЗ ИЗБЫ». «Сор из избы» (№ 31 за 1938 год) был посвящен работе аппарата Наркомторга СССР. В этом материале Крокодил рассказывал о том, как заместитель начальника отдела торговли промтоварами Лихарев осуществлял планирование. В некоторые районы Союза были посланы большие партии стекла, хотя в нем там не нуждались. Зато другим областям, нуждавшимся в стекле, стекла вовсе не послали. После опубликования материалов Крокодила Лихарев с работы снят. По этим же материалам заместителю начальника планово-финансового отдела Главгастронома тов. Тобиасу указано на невнимательное и грубое отношение к молодым специалистам.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 402

Сдача текста и рисунков 9/IV 1939 г.

Подп. к печати 16/IV 1939 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

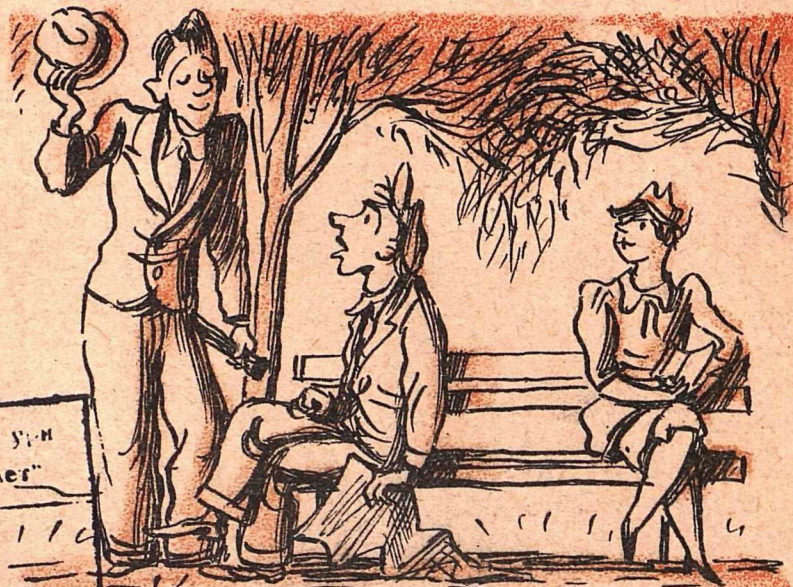
Уполномоченный Главлита № А—4007 Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1164. Тираж 275 000 экз.

Рис. Н. Радлова

45
ОБЪЯВЛ. ВЪЗВЕМ
22 АПР
Воск. Нн. Паратов

1. Была весна. Природа ликовала. Лишь они, поссорившись, сидели в парке мрачные и молчаливые. Заметив парочку, догадливый Лейкин подумал: " Попрошу-на их сесть рядом. Получится актуальный снимок: вузовцы готовятся к экзаменам!"

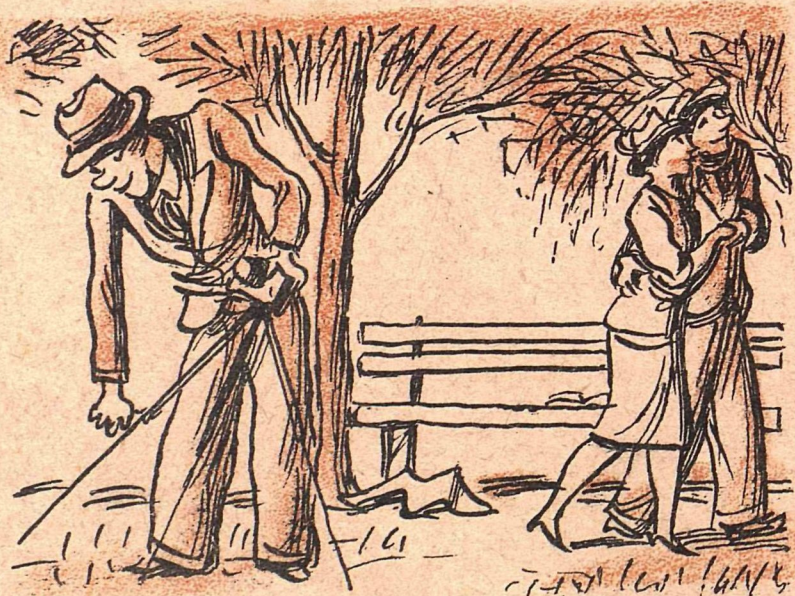
2. Лейкин был так красноречив и мил, что они согласились сесть рядом. "В конце концов меня это ни к чему не обязывает", — подумала она.

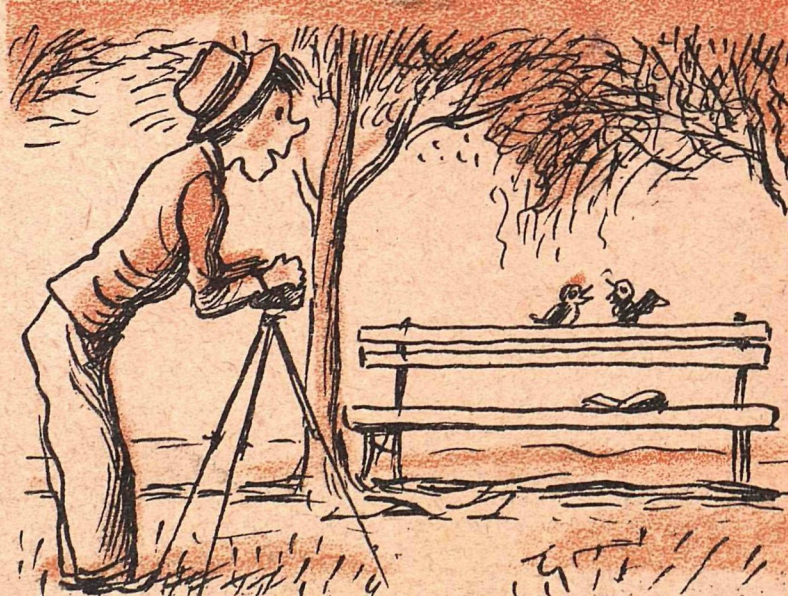
3. Но когда они сели рядом, им мучительно захотелось помириться. Кстати, у Лейкина что-то заело в аппарате.

4. Примирение достигло решающей фазы, а Лейкин все еще продолжал возиться с аппаратом.

5. — Пойдем, милая, побродим по парку, — сказал он. И они пошли, забыв Лейкина, книжки и все на свете. А Лейкин между тем заканчивал приготовления к с'емке.

6. — Чорт возьми! Куда же они девались? — сказал Лейкин. — Опять неудача! Сниму хоть этих воробьев. Тоже будет актуальный снимочек: весна, прилетели первые птицы!